

С.Н. Булгаков "ОТ МАРКСИЗМА К ИДЕАЛИЗМУ.
СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ. 1895–1903".

М.: Астрель, 2006. 1007 с;

С.Н. Булгаков "О РЫНКАХ
ПРИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ".

М.: Астрель, 2006. 522 с;

Б.П. Вышеславцев "КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ".

М.: Астрель, 2006. 1038 с;

П.А. Сорокин "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И КАРА, ПОДВИГ
И НАГРАДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД
ОБ ОСНОВНЫХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛИ".

М.: Астрель, 2006. 619 с;

П.А. Сорокин "СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ
ДИНАМИКА".

М.: Астрель, 2006. 1175 с.

В течение многих десятилетий русская культура находилась в состоянии раскола. Целые ее пласты были недоступны российскому читателю. Это касалось прежде всего философии и литературы русского зарубежья. Знакомство с ними началось лишь в конце прошлого века. Выход в 2006 г. книг известных русских мыслителей С. Булгакова, Б. Вышеславцева, П. Сорокина — свидетельство продолжения начатого процесса.

Книга С.Н. Булгакова "От марксизма к идеализму" включает в себя статьи и рецензии, написанные с 1895 по 1903 гг. (первый раздел); сборник статей за тот же период "От марксизма к идеализму" (второй раздел) и отклики на некоторые публикации русского философа (третий раздел). Сначала перед читателем Булгаков выступает прежде всего как ученый-экономист, проявляющий, однако, интерес к социологии, литературе, политике. Будучи в начале своего научного пути марксистом, он все же зарекомендовал себя сторонником "критического направления", о чем свидетельствует его рецензия на третий том "Капитала" К. Маркса. Перед последователями последнего он ставил задачу "доказать", что "прибыль состоит исключительно из прибавочной стоимости" (с. 53). Булгаков критикует позитивистский идеал за "научный утопизм". Далее читатель видит, как критический подход к марксизму перерастает в "идеалистическое мировоззрение", которое "складывалось в атмосфере социальных идей марксизма, и уже потому оно не есть ...его отрицание" (с. 367–368). "Мутация" марксизма у Булгакова состояла в привнесении в это учение "прививки кантовского критицизма". Кант для русского мыслителя "оказался сильнейшим реактивом, разлагавшим марксистскую догматику" (с. 373). Прозвучавший еще в XIX в. призыв "Назад к Канту" по-

мог освободить многие умы Европы и России от оков экономического материализма. Помог он и Булгакову в поисках "идеала цельного знания" обрести национальную интеллектуальную почву в философии всеединства В.С. Соловьева (с. 571). Духовный опыт Булгакова — пример тяги человека к цельности в условиях крушения старых идиологов — актуален и для нашего времени — времени распада привычных устоев жизни.

Другая книга Булгакова "О рынках при капиталистическом производстве" тоже относится к раннему периоду его творчества и как и "От марксизма к идеализму" дает разностороннее представление об идейной эволюции Булгакова, характере дискуссий мыслящей части общества о судьбах России. В советское время считали, что основной вклад в разоблачение народнических иллюзий о некапиталистическом пути развития страны внес В.И. Ленин, в частности его труд "Развитие капитализма в России". При этом умалчивалась роль "критических марксистов", которая была не менее продуктивной в осмыслении новой тогда для России экономической реальности. В книге "О рынках", куда также вошли "Краткий очерк политической экономии" и "О земледелии", русский мыслитель предстает сформировавшимся ученым-экономистом, способным решать сложные теоретические задачи. Развивая мысль Маркса о роли внешней торговли для капиталистического производства, Булгаков приходит к выводу, что "необходимость внешних рынков не существует для тех стран, которые благодаря богатству и разнообразию естественных производительных сил могут обходиться без вывоза. В таких странах капитализм может развиваться на основе внутреннего ... рынка" (с.160). С этой точки зрения у капитализма в России не было препятствий. То же владение "конкретным анализом конкретной ситуации" (одной из методологических установок диалектики) мы находим в "Кратком очерке политической экономии". Здесь особенно интересна типология стран промышленного капитализма. Булгаков подчеркивал, что его "надо изучать ... в разных формах, а не выкраивать из одной "закон развития" для всех ..." (с. 247). Актуально звучит оценка русского капитализма, охарактеризованного "не как экспортирующий и не как колониальный, но как бюрократический" (с. 256). В работе "О земледелии" Булгаков уделил особое внимание "закону убывающего плодородия почвы". Сформулированный А. Тюрго, принятый английскими экономистами и Марксом, этот закон нашел поддержку у Булгакова. Он соглашается с замечанием Дж. Милля о том, что данный закон "есть наиболее важное положение" политэкономии. В этом законе Булгаков видел "коренную разницу между земледелием и обрабатывающей промышленностью" (с.295). Читателю также будет интересно познакомиться с приложением в книге. В нем содержатся отзывы на экономические работы Булгакова. Среди авторов такие участники дискуссий, как М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, В.И. Ленин и др.

У ранних работ Булгакова есть еще одно значение. Они проливают свет на причины размежевания между такими "вчерашними единомышленниками", как Булгаков и Ленин. Эти причины могут пониматься по-разному. На наш взгляд, они лежат в плоскости иерархии ценностей. Ленин не пошел дальше материалистического прочтения смысла человеческого существования. Для него сознание — это всего лишь функция сложноорганизованного "куска материи", политика — "концентрированное выражение экономики". Булгаков прорывался за рамки "одномерного человека" Г. Маркузе. Это вызывало непонимание или агрессивную реакцию отторжения. Почему? По словам Б.П. Вышеславцева, "низшие ценности особенно для всех убедительны и популярны; в признании преимущественной ценности "экономического фундамента" Чичиков вполне согласился бы с Марксом и француз-

ский буржуа с русским коммунистом". Эти слова взяты из книги Вышеславцева "Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения" (с. 698). Она состоит из "Этики преображенного Эроса", "Философской нищеты марксизма", "Кризиса индустриальной культуры" и "Вечного в русской философии".

В "Этике" очерчен более широкий круг проблем, чем тот, который отражает название этой книги. Одну из волновавших русскую философскую мысль тем — тему Закона и Благодати — автор решал в традиционной для большинства русских философов манере, исходивших из радикальной оппозиции двух систем ценностей. Обращает на себя внимание то, что Вышеславцев "забывает" применить к пониманию этой проблемы заимствованную у Н. Кузанского и центральную для онтологии русского философа идею совпадения противоположностей. Лишенный своего диалектического ядра нововременной платонизм незаметно для автора переходит в марксистски окрашенный гностицизм. Единство противоположностей подменяется их отрывом друг от друга. Возникает эффект дуализации, одним из следствий которого становится "теология замещения". Нищестанство и марксизм, чья критика христианства еще более непримирима, чем критика Закона христианством, показали, чем заканчивается путь "теологии замещения": то, что замещает, само замещается, а история человеческого духа превращается в череду различных фаз деконструкции. Оригинальнее подход русского философа к другой фундаментальной теме христианского дискурса — теме любви. Он привлек результаты психоанализа и аналитической психологии, не боясь разойтись с более традиционно мыслящими философами. С ним не соглашался В.В. Зеньковский, увидевший в идее сублимации "струи натурализма", И.А. Ильин отверг сам концепт коллективного бессознательного (с. 839). Но это не лишает интереса ход мысли Вышеславцева, предлагавшего переосмыслить старые проблемы теологии и мистики с точки зрения современных ему достижений науки. Здесь он остался верен программе Вл. Соловьева, завещавшего русской философии синтез религии, философии и науки на базе мистического реализма. Сила критического анализа русского философа полнее всего раскрывается в трудах позднего периода его творчества (50-е гг.) — "Философской нищете марксизма" и "Кризисе индустриальной культуры". Их объединяет осознание угрозы со стороны агрессивных форм идолатрии, укрепившихся в послевоенном мире за счет марксизма и индустриальной цивилизации. В "Философской нищете марксизма" Вышеславцев писал: "Человек ищет, пред кем преклониться и чему служить ...будет ли то пролетариат, ...коммунизм, нация или ...вождь ... Идол виден, понятен, осязаем ...и вот атеистический материализм делает важное открытие: идол ...есть материя" (с. 259). Исходя из неустранимости закона социальной дифференциации, Вышеславцев показывает "абсурдность идеала "бесклассового общества"" (с. 324). Он опровергает и другой миф марксистского социализма — понимание эксплуатации как процесса создания прибавочной стоимости. Автор подчеркивает, что эксплуатация — это не экономическая, а этическая и правовая категория, существующая не только при капитализме. Критика марксизма дается в контексте анализа индустриализма, обоснованием которого выступало учение Маркса. Поэтому тема "Кризиса индустриальной культуры" шире темы критики марксизма и социализма. Философ видел "имманентное зло индустриализма" в тоталитарной технократии, лишении творчества и свободы личности независимо от классовой природы общества. Тем не менее развернутая на страницах книги критика обнаруживает пределы, на которые наталкивается любая рационалистическая критика: недостаточность оценок той или иной теории с позиций истины и лжи. Марксизм владел умами многих людей не потому, что является истиной (хотя для них

воспринимался именно так), а потому, что отвечал протестным настроениям массового человека и "воле к власти" "новой партийной бюрократии". Отношение Вышеславцева к индустриальной цивилизации менее однозначно. Он то возлагал надежды на неолиберализм (Ф. Хайека и др.) и "хозяйственную демократию", подчеркивая, что "уничтожение индустриализма" не означает "уничтожения индустрии", то признавал, что "пути к преодолению индустриализма еще не указаны и не найдены" (с. 349). С большим интересом читатель прочтет "Вечное в русской философии", завершающее объемный сборник. В нем можно найти гамму размышлений — от мыслей о русской культуре до проникновенных рассуждений об индийской мистике, знатоком и ценителем которой был Вышеславцев. Сборник снабжен приложением, знакомящим с откликами некоторых философов, социологов, публицистов на труды этого видного мыслителя русского зарубежья.

Две книги П.А. Сорокина — "Преступление и кара, подвиг и награда" и "Социальная и культурная динамика" — отражают ранний (русский) и поздний (американский) периоды творчества русского социолога. 1913 г. — год выхода "Преступления и кары" — последний предвоенный год в истории старой России. Мирное время и экономический подъем вселяли доверие к просветительской философии прогресса, печатью влияния которой отмечен этот труд Сорокина. Интересен он и своей попыткой выстроить альтернативу экономическому материализму на базе психологического детерминизма. Определяя социальное явление как "психическое взаимодействие", он выделяет две его стороны — "внутренне-психическую" и "внешне-символическую", понимаемую как объективацию первого (с. 96–97). Автор развивает идею тройственной структуры актов поведения, в которой вычлениваются "акты дозволенно-должные", "рекомендуемые" и "запрещенные" или "недозволенные" (с. 122). Такой подход позволяет подойти к пониманию главной темы книги — институту преступления, кары, подвига и награды. Так, акты рекомендуемые обозначают подвиг или услугу, а реакция на них — награду, акты запрещенные названы преступлением, а реакция на них — наказанием, дозволенный акт встречает "должную реакцию" (с. 127). Исходя из анализа тройственной природы актов морального поведения, Сорокин объясняет и феномен социальной борьбы, к которой ведет различное понимание должного, рекомендованного и запрещенного. Здесь не трудно увидеть попытку сформулировать альтернативу получившей распространение в начале XX в. в левых кругах теории классовой борьбы. Другой пункт этой альтернативы прослеживается в идее бессознательного возникновения социальной организации, обусловленного "шаблонным актом, который ...выполняется ...в силу "биологической и социальной инерции"" (с. 337). Тем не менее это не мешает Сорокину говорить об "исторической тенденции падения наград и кар". Залогом такой уверенности служит убеждение в "прогессе человеческого поведения". Сорокин соглашается "с теми оптимистами, которые, как Кондорсе, Конт, Спенсер и др., далеки были от всякого пессимизма и принимали за основную линию исторического процесса — линию прогресса" (с. 485). Линию прогресса социолог связывал с "тенденцией уменьшения санкций". Ее должен был завершить "сверхчеловек, стоящий выше ...права и нравственности" как "предел, к которому ведет история человечества" (с. 493). Пафос ницшеанского постморализма не умаляет, однако, основательность социологического анализа, вобравшего обширный культурологический материал и обратившего на себя внимание научных кругов того времени, о чем свидетельствует и приложение в конце книги, содержащее отзывы на этот труд русского социолога.

В "Социальной и культурной динамике", давно ставшей классикой мировой социологии, читатель открывает для себя другого Сорокина, чья вера в исторический

прогресс сменилась более сложными представлениями о развитии общества. В "Динамике" мы имеем дело с новым философско-культурологическим синтезом, где наработки предшественников критически переплавляются в более широкий взгляд на человеческую цивилизацию. В этом синтезе в "снятом виде" (если использовать гегелевский лексикон) можно найти идеи стадийного развития (закон трех стадий О. Конта, аполлонийская и дионисийская культура Ф. Ницше, периоды первичной простоты, цветущей сложности и смесительного упрощения К.Н. Леонтьева, аполлонийская, магическая и фаустовская культура О. Шпенглера), циклов, прогресса (подъема) и регресса (спада), дифференциации понятий культуры и цивилизации, суперритма развития культуры, более широкого круга детерминирующих факторов исторического процесса и др. Концепция "социокультурной динамики" закрепляла переход от "однофакторных теорий" к "многофакторным". Здесь Сорокин продолжил линию социологической мысли М. Вебера. Поиск "первоначал" привел к категории культуры как наиболее многомерной детерминанты социального развития. С этой точки зрения теория Сорокина, как и построения Вебера, образует класс теорий с сильной редукцией, устраняющих одномерные каузальные факторы при объяснении социальных явлений. В этом преимущество таких теорий перед слабoredукционистскими концепциями (экономического, технологического, психологического детерминизма), исходящими из более узких причинных оснований. Подход Сорокина помогает обнаружить дефект как линейных, так и циклических теорий. Он состоит в их вере в "жесткие закономерности" и неизбежность одних и тех же стадий социальной эволюции. За это Сорокин критикует даже такого, казалось бы, близкого ему по теории цикличности мыслителя, как Шпенглер. "Примером "циклиста" — пишет Сорокин, — поддавшегося ...идее "единообразия" ...служит Шпенглер. ...Он ...так и не освободился от ...веры ... в существование "всеобщей закономерности" и "суровой неотвратимости" "законов социального развития", общих для всех культур и обществ" (с. 123–124). Жесткий детерминизм схем своих предшественников Сорокин пытается смягчить классификацией культурно-исторического процесса на идеациональную, чувственную и смешанную системы (с. 61–81). Его симпатии на стороне смешанного типа, в котором он выделил идеалистическую культуру. Последняя — "это единственная форма смешанного типа — писал он, — которая является ...логически интегрированной" (с. 67). За указанными типами стоят соответствующие решения проблемы природы реальности — "идеология Бытия (или этернализм)" соответствует идеациональной культуре, "идеология Становления (или темпорализм)" — чувственной и "синтез" (или "примирение") этернализма и темпорализма — смешанной культуре (с.381). Вывод Сорокина о том, что "суперритм возможен ...только при условии, что каждая ...форма культуры ...отчасти истинна и отчасти ложна, отчасти адекватна и отчасти неадекватна", содержит ключ к объяснению причин смены трех фаз культурного развития (с.858). Однако автор далек от оценки этих культурных типов как равнозначных. Идеационализм — духовно наиболее "конденсированный" тип, а сенсетивизм — духовно наиболее "разреженный". Для Сорокина XX в. — время сумерек чувственной культуры. Наступивший XXI в. подтверждает это. Тем интереснее читателю узнать о судьбе этой культуры, предсказанной ученым. "Цикл чувственного режима приближается к концу. ...Мы еще можем какое-то время дрейфовать ...меняя по ходу дела "одну лошадь на другую". ...Конечным итогом этой карусели может быть только пыль, в которую превратятся все чувственные ценности ...В пыли общество не может жить долго. Если оно хочет жить, то должно будет возратить социально-политические ценности на их настоящий уровень, достойный сделать их ...более универсальными" (с. 610–611).

Предложенные вниманию читателя работы мыслителей русского зарубежья обогатят знания ценителей духовной культуры, познакомят с мало известными страницами истории отечественной мысли. Но интерес к ней носит не только исторический характер. Несмотря на критику некоторых интеллектуальных форм модерна (просветительской философии, марксизма, позитивизма), русское философское мышление оставалось мышлением модерна. Своеобразие русского философского модерна состоит в поиске "третьего пути" между ортодоксальной религиозностью и секуляризмом. Возможен ли здесь "третий путь"? Нередко русские философы принимали одиозные проявления зла за зло как таковое. Такие мыслители, как В.В. Розанов и В.И. Иванов признавали ответственность русской философии за национальную катастрофу 1917 г. По словам С.А. Левицкого, Н.А. Бердяев боролся с "коричневым дьяволом", а Б.П. Вышеславцев — с "красным" (Б.П. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры, с.13). В результате один "продолжал проявлять свое советофильство", а другой "пошел на сговор" с национал-социализмом (там же). Все это оказало сомнительную услугу борьбе с тиранией. Но несомненным было одно: искреннее желание сражаться с "драконом", рожденным "сном разума" человека.

В заключение отметим громадную работу, проделанную В.В.Саповым — автором предисловий ко всем рассмотренным с их комментатором и переводчиком с английского "Социальной и культурной динамики" П.А.Сорокина. Вся эта работа сделана на высоком профессиональном уровне и, несомненно, заслуживает одобрения.

*З.Т. Голенкова,
доктор философских наук
А.Ш. Жвितिшвили,
кандидат исторических наук*

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВЫБОРАМ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОССИЯ–2007. М.: ВЦИОМ. 2007. 448 С.

Великий русский историк Александр Панченко говорил в одном интервью: "Вот смотрю телевизор. Выступают разные певцы и певицы. И никто петь не умеет. Конечно, исключения есть, но в основном-то мы все делаем дилетантски. Это и есть цивилизация дилетантов. Потому что в деревне (простите, а пока мы еще большая деревня) не надо диплом консерватории предъявлять на гулянке. Пожалуйста, выпил сто пятьдесят граммов и пошел. Пой, пляши. Умеешь, не умеешь. Но когда же мы наконец станем цивилизацией профессионалов?!".

Излишне говорить о том, что дилетанты у нас не только на сцене, но и на трибуне большой политики. Это естественно, поскольку политика в стране отроческого возраста — лет пятнадцать ей от роду, и, следовательно, отпрыски ее — политики — еще во многом дилетанты. Помнится, в далекие уже советские времена, были такие книжки, издаваемые массовыми тиражами: "В помощь агитатору", "Настольная книга политработника" и т.д. Несомненно, что примерно в такой по-